

ДОН КАРЛОС И ДОН КАМИЛЛО

ИТАЛЬЯНСКИЕ
ПИСЬМА

В ТОТ самый вечер, когда я вернулась из нищих и голодных портовых закоулков Неаполя, а писатель Луиджи Инкоро-нато рассказывал мне содержание своей будущей книги «Мы покупаем детей», — в знаменитом неаполитанском театре Сан-Карло состоялась премьера оперы Верди «Дон Карлос».

Помня о том, как попадают на наши большие премьеры люди искусства и как театры наши идут в эти вечера навстречу и своим, и приезжим писателям, художникам, артистам, музыкантам, чтоб они послушали и посмотрели выносимое на народ зрелище и обсудили его — за кулисами, в кабинетах дирекции, на страницах печати — я заранее стала хлопотать о билете. В кассе театра на меня уставились, как если б я спросила билет в царство божие; даже администратор выглянул в окошко, чтоб увидеть небывалого чудака. Моя членская книжка «Европейского содружества писателей» не произвела на них ни малейшего впечатления. Тогда я обратилась к портье гостиницы, сдала ему все свои документы, письмо к директору театра, изрядную сумму (билет на премьеру в партер — «полтроне» — стоил 10.000 лир) и попросила раздобыть его, — на этот раз в памяти моей стояла другая аналогия, как граф Монте-Кристо раздобывал своим друзьям места в оперу во время римского карнавала. Портье замаялся, он что-то промямлил о возможности «вывода из зала, даже если пропустят», — и это было просто загадочно. Утром загадка разрешилась. Печать Неаполя действительно здорово откликнулась на премьеру! В «Коррьере ди Наполи» ей была посвящена целая полоса со множеством иллюстраций. В «Иль Маттико» — пол-полосы, но мельчайшего петита. Заглянув в петит, я увидела, что там вместо текста стоят имена, имена, имена, с министра коммерческого флота и до неведомых Анджелы, Джулии, Киары... По именам, предшествовавшим фамилиям, можно было видеть, что все они женские; среди нескольких сот имен, приведенных петитом, только министр, префект да два-три адмирала и генерала были несомненно мужчинами. Тогда я взялась за «Коррьере». Там был текст. В тексте рассказывалось, какие величайшие труды и старания были затрачены до премьеры... звонили телефоны, бегали взад и вперед девушки с картонками, подстерегали у дверей репортеры, подслушивалось, узнавалось, сравнивалось, и, наконец, эти глубокие терзания и переживания закончились. Вот синьора Мария Камилла Савино: прозрачная ткань слегка намекает на линии живота и ног, атласный плащ

Мариэтта ШАГИНЯН

□ □

со шлейфом прикрывает до пят ее бока. Вот донна Адриана Аквива д'Аргона в кружевах и шелку, синьора Тета Капассо, обернутая, как покупка, тряпками трех цветов... и еще и еще, и рядом с именами донн, синьор и синьорин неизменная добавка: ателье такое-то. Премьера с чудесным певцом и актером Борисом Кристофом; музыка Верди в одной из наименее известных его опер; блестящий старый театр во всей красе его старинной росписи; сцена, с которой два века пленяли слушателей голоса величайших певцов и певцов мира, прославленный Сан-Карло, — все превращено в модное «гала», показ неаполитанскими богачами и обетшалым, но из всех сил шагающим в ногу дворянством женского пола своих туалетов, ради которых модистки и портничи Неаполя не спали ночей. И наутро — каждая ищет свою фамилию в петите, и, воображая, какая трагедия разразится среди газетчиков, если хоть одна фамилия будет пропущена...

В Америке для белых и черных есть отдельные вагоны, входы и выходы; в Италии в театре Сан-Карло для посетителей верхних галерей театра тоже есть отдельные входы и выходы: они не могут встретиться с «чистой публикой». Неаполитанские друзья сказали мне, что портье был прав; меня действительно вывели бы, если б я появилась в партере без вечернего туалета. Учительница с большим стажем, крупная общественная деятельница, — за много лет, по ее признанию, не была в Сан-Карло, — средства не позволяли ей это удовольствие. Но если интеллигенция не в состоянии слушать хороших певцов; если в этой классической стране музыки так редки концерты (за два месяца и в разных городах мне удалось попасть только на один, в Миланской Ла Скала, где дирижировал Кондрашин, а в программе были Прокофьев и Шостакович); если, наконец, даже на улицах, даже в церквах все меньше и меньше музыки, то каким же искусством может наслаждаться народ, чем живет артистическая душа этого народа, создавшая на все времена и всем людям на потребу дивные художественные памятники?

Остается как будто одно — кино. Правда, оно тоже дорого. Триста, двести лир за один билет — это обед для бедного человека, а ведь в кино редко пойдешь в одиночку. Но большая часть горожан, ремесленники, продавцы, механики, учащиеся, домашние хозяйки — все они хоть изредка, да ходят в кино. Мы в нашем Советском Союзе знаем и высоко ценим итальянских неореалистов, показавших нам Италию, как обратную сторону медали, — в ее безработице, нищете, некачественности жилья и улиц, солидарности и душевной доброте бедняков. Но надо сказать правду, которую я неоднократно и от самых разных лиц слышала в Италии: эти картины не пользуются популярностью среди огромной массы итальянского населения. Заплатив свои выцарапанные из бюджета двести — триста лир, средний итальянец хочет получить за них то, чего так мало в его жизни: отдых и удовольствие. Но бередить собственные раны — не значит отдохнуть и порадоваться. Да еще если нет круглого сюжета, зло не наказывается, добро не побеждает. Ему тяжело смотреть на то, что глаза его привыкли видеть вокруг. И тут, используя могучее искусство кино, использует на сцену агитация, очень тонкая и хитрая...

Но о ней позже.

Чтоб познакомиться с ежедневной кинополицией, выбрасываемой на потребу населения в городах Италии, некоторыми итальянскими газетами заведен хороший обычай. Они печатают краткую характеристику каждого фильма, не давая им оценки, но определяя содержание. Прогрессивная «Паззе сера» делит фильмы даже на графы — трагические, комедийные, сентиментальные, юмористические, салонные, детективные. Зритель выбирает по вкусу — посмеяться, поплакать, полюбоваться на чужую роскошь, пережить чужую любовь, поохотиться вместе с сыщиком за таинственным преступником. Среди всех этих американских, немецких, французских боевиков остановило меня одно название, потому что перед дверями кино, где я прочитала его, в маленьком итальянском городке, толпились много народу, и я едва-едва заполучила билет. Название было странное «Дон Камилло, монсиньор, но не слишком» (ма нон troppo).

Когда я попала наконец на свое место и даже, по примеру моих соседей — большей частью рабочих и жителей южной, купила пакетик необыкновенно вкусного итальянского мороженого, мне прежде всего стало ясно, что зрители предвкушают удовольствие и настроены на отдых: то ли фильм был уже старый, то ли был он серийный, воспроизводящий ту же тему с теми же актерами. А главного героя фильма, «дона Камилло, монсиньора, но не слишком», играл действительно актер гениальный, обдумывающий и выбирающий свои роли, — знакомый и советскому зрителю несравненный Фернандель. Что же заставило его выступить в маленькой, бескрайней комедии, лишенной романа, без красивых женщин, красивых пейзажей?

Опять перед нами были все те слагаемые, которыми так остро пользуются новые кинорежиссеры, — маленький нищий итальянский городок с населением в убогих домишках, живущим скученно, мелкой своей жизнью, в борьбе за кусок хлеба, с интересами, не выходящими за пределы крохотной коммуны. Но с теми же слагаемыми режиссер этого фильма построил сюжет, — по-диккенсовски за-

кругленный и для советского зрителя совершенно неожиданный: в глухой городишке, где «синдак» (бургомистр) — коммунист, — а в очень многих итальянских городах эти выборные должности занимают коммунисты, — посылается священником крупный прелат, живший в своей прекрасной большой квартире, — дон Камилло. Веселый и живой Фернандель с его не красивым лицом добродушной мартышки прибывает в убогий городок, преисполненный жизни, юмора, добрых чувств, хорошего настроения, короче говоря, — полсельсчак, хоть и поп, но «не слишком», не грозный адом и загробными муками, снисходительный к грехам человеческим. А монсиньора ожидают борцы — борцы против «опиума народного»: бедная чистая комната, на стене серп и молот, портреты вождей Октябрьской революции; за столом — синдак, большой, черноусый, в рабочей блузе и сапогах, и другие члены местной компартии. Типаж дает почти любовно: хорошие честные рабочие люди, ни тени гротеска, ни тени задней мысли. И вот начинается борьба местных коммунистов против растущего влияния веселого дона Камилло, понимающего душу и характеры людские, беседующего в пустой церкви якобы с богом, но на деле с собственной совестью, полущутя, полусерьезно. Конфликты разыгрываются остро-сюжетно, рассказывать о них я не буду, но с каждым кадром растет «подстрочник» фильма: какой чудный, настоящий, обаятельный пастырь и какие честные, наивные полудети все эти добряки-коммунисты, ведь и тот, и другие хотят настоящего добра людям, так давайте же поработаем рука об руку, дадим это добро... Конфликт без отрицательных героев, борьба между двумя положительными силами современности, похожая на любовную и оканчивающаяся любовно. Когда снова вызывают веселого пастыря в Рим, провожать его высыпает весь город во главе с синдаком. Я смотрела на зрителей. Все улыбались, утирали слезы. Произошла полная душевная реакция на отдых, на удовольствие, на победу добра и — главное — на обаяние великого актера, отдавшего свой большой талант на дело католической пропаганды. Надо было видеть и почувствовать зрителя в кино на рабочей окраине, чтоб с огромнейшей горечью понять, как сильна эта пропаганда. Недавно писали газеты, что Фернандель собирается сыграть Дон-Кихота. Это будет, наверное, самый замечательный из всех Дон-Кихотов экрана и сцены. Но не поймет ли тогда Фернандель и свое собственное донкиховство в пропаганде католического монсиньора, которого нет и не может существовать в действительности?

Четыре раза возвращалась я из моих скитаний по Италии в вечный город. И всякий раз товарищ журналист задавал мне один и тот же вопрос: ну как, подвели итоги?

Подвести итоги под впечатлениями от одной из самых интересных, самых сложных и самых противоречивых стран да еще за слишком короткое время — вещь невозможная. Все дни, с конца октября по первую половину декабря минувшего года, почва подо мной, как на корке кратера Сольфатара, волновалась, словно вот-вот извергнет пламя и лаву; и все время, как на реальной Сольфатаре, на этой почве в полной безопасности разгуливают туристы. За полвека Италия баснословно разбогатела — заводами, фабриками, машинами, дорогами; и в той же большой степени обнищал ее народ, обеднела ее интеллигенция и умножились жалобы в культурных учреждениях на безденежье. Италия с ее соковокмищами — это ведь уже мировая ценность, всему человечеству принадлежит ее прошлое, из рук ее молодые варварские народы Европы получили великое наследие Греции и Рима, а латинский язык лег в основу языков европейских. Казалось бы, беречь и беречь ее как общее благо всего человечества — а на пути моем не попало города без зияющих на бессмертных памятниках ран от бомб. Я спросила в Падуе перед одним таким памятником: да чья же это была бомба? И прохожий ответил без улыбки: «А вот тех самых, кто строит у нас базы для новых бомб». Мы знаем, что нейтральные Швеция, Швейцария, Австрия существуют под этим спасительным флагом, а Италия, как говорилось в век паровой энергии, «на всех парах» мчит к новой войне, к той политике, что неизбежно кончается войной... Десятки других противоречий можно было бы насчитать. Но я лучше закончу рассказом, который услышала от крупного казахского писателя Сабита Муканова. Он видел собственными глазами в далеком алма-тинском саду такую сценку: по садовой дорожке тяжело прыгала лягушка. Она прыгала и стонала, потому что не хотела прыгать — в конце дороги, вытянувшись на хвосте, стояла с разинутой пастью кобра. С каждым прыжком, испуская стоны, приближалась лягушка к ее раскрытой пасти...

Змеинный гипноз охватил тело Италии. Вы словно слышите стон ее, стон — из газетных столбцов, из слов населения, из беседы друзей, — но она делает прыжок за прыжком к развращенной пасти кобры. Прервет ли она свой путь к гибели? Сможет ли деятельный и сильный, умный и полный жизни итальянский народ остановить ее перед роковым прыжком?

РИМ.

5
стр.

№ 18 (13872)

21 ЯНВ 1962